

Социальное неравенство в российском обществе: объективное и субъективное измерения¹

Сведения об авторе. *Е. В. Реутов*, канд. социол. наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, РФ).

Аннотация. Социальное неравенство понимается как неодинаковый доступ индивидов и групп к системе социальных ресурсов, значимых для их существования, без шансов на изменение ситуации. Проблема социального неравенства в России является острой в силу объективно высокого уровня бедности и дифференциации населения по доходам и имуществу, по причине сильных уравнивательных установок в массовом сознании, сомнительной легитимности значительной части капиталов и их владельцев. Снижение остроты восприятия проблемы социоэкономического неравенства в течение 2000–2010-х гг. было связано не с объективным изменением ситуации с социальной поляризацией, но прежде всего, с ростом уровня доходов и потребления базового слоя населения. В настоящее время социальное неравенство продолжает оставаться наиболее ощутимым и устойчивым источником социальной несправедливости для россиян.

По данным региональных исследований, среди основных социальных раздражителей на первых местах находятся проявления социального неравенства: разделение на богатых и бедных и неравенство возможностей. Скорее всего, именно эти явления в существенной степени определяют высокий уровень неудовлетворенности населения реализацией принципа социальной справедливости в обществе.

Острота восприятия социального неравенства снижается по мере повышения уровня доходов основной массы населения, снижения уровня бедности. Тем не менее, именно социальное неравенство, наряду с атомизацией и аномией, остается одним из наиболее значимых и очевидных вызовов целостности социальной ткани российского общества.

Ключевые слова: социальное неравенство; социальная дифференциация; социоэкономическая поляризация; массовое сознание; восприятие неравенства.

Социальное неравенство относится к фундаментальным проблемам общества и соответственно социальных наук, в рамках которых в течение сотен лет предпринималось множество попыток объяснить, легитимировать или заклеить неравенство индивидов и социальных групп в доступе к общественно значимым ресурсам – деньгам и имуществу, власти, образованию и пр., всему тому, что делает жизнь людей яркой, наполненной, комфортной или хотя бы сносной.

В современной социологической литературе социальное неравенство оценивается с разных позиций. Традиционные трактовки социального неравенства связаны с дифференциацией населения по признаку дохода и владения имуществом, обладания властью и другим объективным критериям, позволяющим построить достаточно четкую стратификационную схему. При этом отмечается, что неравенство в доходах существенно влияет на социальное здоровье населения, деградацию человеческого капитала, что в свою очередь оказывает негативное влияние на экономический рост. В описании причин высокого уровня экономической дифференциации немаловажное место занимает анализ специфики политических систем и режимов, формирующих институциональные основания такого неравенства [2]. В работах З. Т. Голенковой структура занятости населения рассматривается как фактор, влияющий на формирование и динамику среднего класса в России, на выбор адаптационных стратегий [4].

С рассмотрением неравенства как комплексного явления, не сводимого исключительно к финансовым или властным ресурсам, в работах значительного количества социологов как зарубежных, так и отечественных предпринимается попытка экстраполировать проблему социального неравенства с макро- на микросоциальный уровень. Порождая на макроуровне социальное исключение, неравенство закрепляет у представителей социальных групп поведенческие паттерны и эмоциональные реакции, повышающие значимость микрогрупповой солидарности и ужесточающие социальные барьеры [12].

Неравенство в доступе к культурному капиталу (П. Бурдьё, Н. Луман, Ю. Хабермас) формирует новые проявления неравенства, способствуя тем самым усилению социальной поляризации [1; 9; 20]. Коммуникативный капитал, являясь аспектом культурного капитала, позволяет отдельным

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474.

индивидам и группам доминировать в виртуальном пространстве социальных сетей [16]. Однако данный вывод можно в значительной мере экстраполировать и на все информационное пространство, которое все в большей степени замещает собой реальное.

В значительном количестве работ постулируется значимость индивидуального и коллективного социального капитала (объема контактов, связей и отношений, позволяющих решать проблемы) для формирования и усугубления социального неравенства [7; 18].

Социальное неравенство рассматривается прежде всего с точки зрения тех угроз и вызовов, которые оно несет социальному порядку – ослабления гражданской идентичности, депривации и маргинализации значительной части общества, заражения ее экстремистскими идеями, рост конфликтности во всех сферах жизни общества [3; 5; 11].

Вместе с тем в большом количестве работ обращается внимание на нормализацию проблемы социального неравенства в общественном сознании и утрату целостности представлений о социальной справедливости [6; 8].

Несмотря на то, что любое общество, а в большом количестве случаев и малая группа представляют собой дифференцированные по ряду признаков общности людей, к ним далеко не всегда применима категория неравенства. Даже вертикальная стратификация по таким социальным признакам, как доход и власть не всегда является примером социального неравенства. Неравный доступ к социальным благам может нейтрализовывать или смягчать развитая социальная мобильность. Неравенство формируется при отсутствии или неэффективности социальной мобильности. В целом, понимание социального неравенства связано с неодинаковым доступом индивидов и групп к системе социальных ресурсов, значимых для их существования, без шансов на изменение ситуации.

Для современной России проблема социального неравенства является острой по ряду причин. Во-первых, в силу объективно высокого уровня дифференциации населения по такому базовому критерию социального неравенства, как доходы и имущество. Во-вторых, по причине достаточно сильных уравнивательных установок в массовом сознании, исходя из которых сильный разрыв в доходах и имуществе воспринимается особенно болезненно. В-третьих, по причине сомнительной легитимности значительной части капиталов и их владельцев. В-четвертых, потому что в условиях атомизированного общества, каким по большому счету является российское, неэффективными и малоэффективными являются такие механизмы социальной поддержки, как сети взаимопомощи, в то время как соответствующие государственные институты полностью зависят от бюджетной политики, ориентированной на оптимизацию расходов.

Однако некоторые из этих факторов могут играть и обратную роль, не катализируя проблему социального неравенства, а, напротив, смягчая ее. Так, атомизация социального пространства неизбежно формирует у значительной части населения комплекс установок, связанных с ориентацией исключительно на свои силы. При этом вполне естественно, что и потери, и приобретения на жизненном пути приписываются людьми только своим собственным усилиям и достоинствам. Таким образом, распространение получает своего рода квазипротестантская индивидуалистическая этика, ослабленная к тому же в регулятивном плане фактически безрелигиозным характером.

В конце концов, на уменьшение остроты восприятия проблемы социального неравенства влияет его легитимация мейнстримной массовой культурой (прежде всего, кинематографом) с ее культом индивидуального жизненного успеха, силы одиночек и пр. В особенности данный тренд был характерен для второй половины XX века, хотя и в то время появлялось достаточно много произведений, в которых ставился вопрос цены такого успеха для личности и общества – утрата индивидуального смысла существования, распад социальных связей, хаотизация социального пространства и пр.

Нужно понимать также, что, несмотря на наличие устойчивых фреймов в массовом сознании россиян, оно все-таки меняется в том числе в сторону утраты ряда традиционалистских черт и принятия характеристик, условно относимых к модерну. Ранее в ходе анализа результатов регионального социологического исследования нами отмечалось, что, несмотря на сохранение в общественном сознании значительной доли традиционализма, высокую степень неприятия различных социальных отклонений и пр., происходит трансформация традиционалистских ценностей и практик в современные – с ведущей ролью индивидуализма, наращиванием потребительских потребностей и постепенным уходом от всеобъемлющего государственного регулирования [13].

Анализ динамического ряда социологических данных, полученных Левада-Центром в ходе двадцатилетнего мониторинга, свидетельствует, что такое проявление социального неравенства, как резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов, уже с начала 2000-х гг. перестало возводиться россиянами в ранг первостепенных социальных проблем. В 2001 г. лишь 26 % опрошенных указали расслоение в доходах в числе наиболее острых проблем российского общества. Между тем еще в 1999 г. эта доля составляла 45 %. В публикациях российских социологов применительно ко второй половине 1990-х гг. отмечалось наличие достаточно ощутимой фрустрации

из-за массового разочарования в неограниченном экономическом либерализме: Произошло освобождение от некоторых иллюзий, которые разделяли если не большинство, то от одной четвертой до одной трети российского населения. Прежде всего это представления об общественной пользе углубления неравенства, которые получили распространение в конце 80-х – начале 90-х годов [19, с. 31].

В дальнейшем доля респондентов, возводивших расслоение по доходам в ранг наиболее острых проблем, не увеличивалась свыше 33 % (в 2013 г.) и на последний момент (август 2017 г.) составляет 25 % [17].

При этом очевидно, что восприятие поляризации населения по доходам и имуществу практически никак не коррелирует с объективными (насколько эта объективность может быть достигнута в рамках статистической методологии) данными о масштабах расслоения. Так, коэффициент Джини в 1999 г. составлял 0,400, в 2001 г. – 0,398, а в 2016 г. – 0,412 [14; 15]. Вполне естественно предположить, что на восприятие массовым сознанием остроты проблемы основное воздействие оказывает фактор уровня жизни. С 2001 г. начался ощутимый рост среднедушевых доходов населения (и их покупательской способности), продолжавшийся с относительно небольшими поквартальными колебаниями до конца 2013 г. Соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума в 1999 г. составляло 183,2 %, в 2001 г. – 205,2 %, а в 2016 г. – 312,8 % [14; 15].

Таким образом, снижение остроты восприятия проблемы социоэкономического неравенства в течение 2000–2010-х гг. было связано не с объективным изменением ситуации с социальной поляризацией, но прежде всего, с ростом уровня доходов и потребления базового слоя населения. Вряд ли можно говорить о ценностном принятии неравенства на сколько-нибудь массовом уровне. Так, начиная с конца 1990-х гг., достаточно заметно стала снижаться легитимность больших капиталов. Если в 1992 и 1996 гг. ничего не имели против того, что в стране появились люди, легально получающие миллионы, 18 % респондентов, то в 1999 г. соответствующая доля составила уже 14 %, к 2003 г. на волне устойчивого социально-экономического роста вновь увеличилась до 17 %, а к 2015 г. сократилась до 11 %. Соответствующим образом изменилась и доля противников наличия миллионеров. В 1996 г. она составляла 40 %, в 2003 г. – 49 %, в 2015 г. – 55 % [10].

Результаты исследования, проведенного в Белгородской области Институтом региональной кадровой политики (ИРКП) в декабре 2016 г. (N = 1 200), показывают, что среди основных социальных раздражителей на первых местах находятся проявления социального неравенства: разделение на богатых и бедных (его отметили 48,4 % опрошенных) и неравенство возможностей (28,9 %).

Скорее всего, именно эти явления в существенной степени определяют высокий уровень неудовлетворенности населения реализацией принципа социальной справедливости в обществе. По результатам другого мониторинга ИРКП (2017 г., N = 1 272), реализацией данного принципа в России в целом удовлетворены лишь 43,9 % респондентов (из них полностью – 8,7 %), не удовлетворены – 46,6 % (категорически – 13,9 %); в области удовлетворены в целом 43,2 % (из них полностью – 9,8 %), не удовлетворены – 49,2 % (категорически – 14,0 %).

Таким образом, социальное неравенство (в котором наиболее заметным для массового сознания параметром является резкая поляризация доходов) продолжает оставаться наиболее ощутимым и устойчивым (фактически в двадцатилетней ретроспективе) источником социальной несправедливости для россиян. Острота восприятия данной проблемы снижается по мере повышения уровня доходов основной массы населения, снижения уровня бедности. Вполне возможно, что определенное влияние на массовое сознание оказывает также политическая риторика о необходимости солидаризации в условиях внешних угроз, о национализации элиты. Тем не менее именно социальное неравенство, наряду с атомизацией и anomией, остается одним из наиболее значимых и очевидных вызовов целостности социальной ткани российского общества.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2007. – 288 с.
2. Воейков М., Анисимова Г. Социальный контекст экономического неравенства в России // Общество и экономика. – 2017. – № 10. – С. 95–117.
3. Возмитель А. А. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // Власть. – 2016. – № 8. С. 5–13.
4. Голенкова З. Т. Социальная дифференциация и социальное неравенство населения // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 8. – С. 162–168.
5. Горшков М. К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 24–47.
6. Григорьев С. И., Миронова С. В., Мартынова М. Ю., Толстых Г. В. Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 4. – С. 73–83.

7. Давыдова Н. М. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств // Россия, реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 6. – М. : Институт социологии РАН, 2007. – С. 169–182.
8. Игнатова С. Н. Социальное неравенство как норма // Петербургская социология сегодня. – 2016. – № 7. – С. 281–302.
9. Луман Н. Общество общества. Кн. 2 : Медиа коммуникации / пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. – М. : Логос, 2005. – 276 с.
10. Неравенство и доходы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2015/07/14/neravenstvo-i-dohody/> (дата обращения: 28.01.2018).
11. Осеев А. А. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. – 2014. – № 2. – С. 68–80.
12. Резаев А., Трегунова Н. Неравенство и социальное исключение в повседневном общении: теоретические основания и следствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – № 2. – С. 181–194.
13. Реутов Е. В., Павлова О. А., Тришина Т. В. Социокультурная система региона (социологический анализ) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – № 3. – С. 28–37.
14. Российский статистический ежегодник. 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b04_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i011500r.htm (дата обращения: 28.01.2018).
15. Российский статистический ежегодник. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 28.01.2018).
16. Рыков Ю. Г. Виртуальное сообщество как коммуникативное поле: неравенство и коммуникативный капитал // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 4. – С. 44–60.
17. Самые острые проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2/> (дата обращения: 28.01.2018).
18. Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 24–35.
19. Хахулина Л. Социальное неравенство в российском обществе: мнения и оценки // Мониторинг общественного мнения. – 1999. – № 4 (42). – С. 27–31.
20. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. – Frankfurt am Main, 1985.

E. V. Reutov,
 Candidate of sociological sciences, senior lecturer,
 Belgorod National Research University
 (Belgorod, Russia)

SOCIAL INEQUALITY IN THE RUSSIAN SOCIETY: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE DIMENSION

Social inequality is understood as the unequal access of individuals and groups to a system of social resources that are significant for their existence, without the chances of changing the situation. The problem of social inequality in Russia is acute due to an objectively high level of poverty and differentiation of the population in terms of income and property, due to strong equalizing attitudes in the mass consciousness, and also due to the questionable legitimacy of a large part of the capital and their owners. Reducing the acuity of perception of the problem of socioeconomic inequality during 2000–2010-ies. was not due to an objective change in the situation, but, first of all, with the increase in the level of income and consumption of the basic strata of the population. At present, social inequality continues to be the most tangible and sustainable source of social injustice for Russians.

According to regional studies, among the main social irritants in the first place are manifestations of social inequality: a division into rich and poor and inequality of opportunity. Most likely, it is these phenomena that largely determine the high level of dissatisfaction with the realization of the principle of social justice in society.

The acuity of perception of social inequality decreases as the level of income of the majority of the population increases, and the level of poverty decreases. Nevertheless, social inequality, along with atomization and anomy, remains one of the most significant and obvious challenges to the integrity of the social fabric of Russian society.

Key words: social inequality; social differentiation; socio-economic polarization; mass consciousness; perception of inequality.